К 380-ЛЕТИЮ НОВОКУЗНЕЦКА

ТВОРЧЕСТВО Ф.М.ДОСТОЕВСКОГО: ПРОБЛЕМЫ, ЖАНРЫ, ИНТЕРПРЕТАЦИИ

Тезисы III межрегиональной научно-практической конференции

Издательство "Кузнецкая крепость"
Новокузнецкий литературно-мемориальный
музей Ф.М. Достоевского

Взятые вкупе, местные исследователи: Булгаков, Герасимов, Ярославцев и литератор Зазубрин, сумели поднять тему местного достоевсковедения на газетный и журнальный уровень, ценность Ярославцева, как "фиксатора" и собирателя воспоминаний о Достоевском и иных сколков прошлого, также неоспорима, равно нельзя не отметить, что Борис Герасимов и Валентин Булгаков в своих поисках использовали и документы местных архивов. Шемелев как исследователь-достоевсковед выглядит гораздо слабее на фоне этих представителей местной краеведческой мысли: он не использует ни архивов, ни новых воспоминаний и, к тому же, не в состоянии был "пробить" в печать свой взгляд на актуальные проблемы достоевсковедения: как уже сказано, рукопись его увидела свет лишь недавно.

Впрочем, еще следует доказать, что рукопись Шемелева предназначалась для публикации (мы бы не спешили об этом заявлять так категорично, как это сделано в недавно выпущенной брошюре А. Халиулиной "Земля Кузнецкая в летописях и трудах ученых", причем без ссылок на архивный документ); никто за давностью лет не сможет точно сказать, готовилась ли его рукопись к печати или записи велись "просто так", для себя, и мы не можем вынести полноценного мнения о ней, не зная точно, в какой стадии завершенности она находилась. Нельзя сбрасывать со счетов и время, когда готовилась рукопись: в 1935 г. за одно только упоминание (даже в негативном смысле) имен бывшего священника Б. Герасимова, бывшего дворянина В. Булгакова или "неблагонадежного" писателя Зазубрина (уже тогда подвергавшегося резкой критике в печати) автора могли привлечь к ответственности и обречь на долгое забвение, что, в конце концов, и случилось с Шемелевым, но только двумя годами позднее, когда был изъят из печати основной труд его жизни - "История Кузбасса". Так что окончательный "вердикт" в отношении рукописи Шемелева, думается, выносить еще рано; само ее появление, тем не менее, говорило о начале упадка местного достоевсковедения, которое с середины 30-х гг. претерпевает очередной кризис...

Е.В. Цибизова
Научный сотрудник ЛММ Ф.М. Достоевского, г. Новокузнецк

СИБИРСКАЯ ПРОВИНЦИЯ В ПОВЕСТИ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО "ДЯДЮШКИН СОН"

Почти 400-летняя история нашего города насчитывает немало светлых страниц. Новокузнечанам можно гордиться не только Кузнецкстроем и трудовыми подвигами во время войны, но и историей города Кузнецка прошлых веков. Кузнецк XIX-го

века - уездный город с тихой провинциальной жизнью. "Это край Сибири, - писал социолог-публицист Берви-Флеровский о нашем Кузнецке, - среди такой глуши стоит небольшой заброшенный город; мы смотрим на него свысока, и он нам кажется весьма ничтожным, и это, конечно, нам делает честь, особенно если вспомнить, что это единственный источник цивилизации для населения почти в сто тысяч человек".

Людям, хоть немного знакомым с историей родного города, известны имена купца И.С. Конюхова, подарившего нам уникальный рукописный труд "Памятная историческая записка"; священника Евгения Тюмениева; смотрителя училищ Федора Булгакова; имена купцов И.Д. Муратова, А.С. Родюкова, П. Баранова, чьей благотворительностью возводились и украшались храмы, улучшалась жизнь города.

Но была и другая сторона провинциального бытия. А.Е. Врангель, товарищ Ф.М. Достоевского по семипалатинскому времени, в своих воспоминаниях пишет: "...люди в то время в Сибири интересовались только картами, попойками, сплетнями... в это время шла Крымская война, но ею мало интересовались: уж слишком было далеко, да это и не было свое "сибирское" дело. Сибиряки держали себя тогда особняком и говорили: "Он из России".

Замкнутость жизни, оторванность от общественных движений центра и часто невероятная скука порождали зависть, интриги, сплетни среди представителей городской верхушки. Именно с этой стороны представлена сибирская провинция в повести Ф.М. Достоевского "Дядюшкин сон". Она была впервые опубликована в журнале "Русское слово" в 1859 г. и написана Достоевским во время жизни в Семипалатинске.

Завершение работы над данным произведением было знаменательно: разрешился период десятилетнего молчания, наметился выход из затянувшегося творческого кризиса.

Существуют разные оценки "Дядюшкиного сна", известно и достаточно отрицательное отношение к нему самого писателя. Но как бы то ни было, повесть занимает в творчестве Достоевского почетное и особое место.

Уникальность этого произведения состоит в том, что здесь отразились впечатления Федора Михайловича от знакомства с жизнью сибирской провинции. Житель Москвы и Петербурга, он с самого начала творческого пути выступил как "бытописатель" столицы, ее жизненных драм и коллизий.

В период жизни в Семипалатинске, Кузнецке и Барнауле Достоевскому пришлось столкнуться с неведомой ему ранее провинциальной жизнью, причем нужно сразу сказать, что впечатление Достоевского от сибирской провинции было негативное. Это объясняется многими причинами. Десятилетний период жизни Федора Михайловича в Сибири вместил в себя тяжелейшие, в физическом и моральном смысле,

четыре года каторги. Вхождение Достоевского в семипалатинское общество происходило в положении бывшего каторжника, ссыльного рядового, на которого семипалатинцы смотрели свысока и уничижительно. На восприятие сибирской глубинки влияло и отношение провинциалов Семипалатинска и Кузнецка к Марии Дмитриевне Исаевой, любимой женщине писателя. В письмах Федора Михайловича встречаются такие эпитеты: "...гадость кузнецкая ее замучает", "...жить в Кузнецке ужасно", а в письме А.Е. Врангелю от 24 марта 1856 г. Достоевский пишет: "В маленьком этом городишке интригуют... Ее осаждают просьбами выйти замуж... указывают на беспомощность ее положения".

В Кузнецке произошло венчание Федора Михайловича и Марии Дмитриевны. Свершился "кузнецкий праздник", в котором принял участие весь "свет" Кузнецка. Свадьбу молодоженов, не имевших за душой лишней копейки, организовала и справила Анна Николаевна Катанаева, супруга небезызвестного кузнецкого исправника, прослужившего в этой должности 22 года.

Безусловно, за десятилетие, проведенное в Сибири, Достоевский имел возможность близко соприкоснуться со многими сторонами жизни провинциального общества. Тем более, что, знакомясь с людьми, Федор Михайлович проявлял участие и живой интерес к их судьбам и условиям жизни. Об этом свидетельствуют письма и воспоминания современников.

Психологические портреты персонажей "Дядюшкиного сна" выведены из глубоких наблюдений писателя над иерархией личностей провинции, отношений между людьми.

Известно, что Достоевский принимал за первооснову произведения именно объективный мир, он считал - у художественного образа должны быть конкретные источники, чтобы произведение указывало на определенную социальную и историческую обстановку. Отталкиваясь от знания бытовых деталей, житейских подробностей, Достоевский охватывал смысл жизни, устремлений, идей самосознания личностей, участвующих в творческом замысле автора. Какой именно город стал прототипом Мордасова, - достаточно праздный вопрос. Скорее всего, провинция явилась Достоевскому в чем-то одинаково, типично и в Семипалатинске, и в Кузнецке, и в Барнауле. Жителей этих городов объединяет одно занимательное качество: "Всякий провинциал живет как будто под колпаком. Нет решительно никакой возможности хоть что-нибудь скрыть... Вас знают наизусть, знают даже то, что вы сами про себя не знаете", - пишет Федор Михайлович в "Дядюшкином сне".

Прозрачность провинциального бытия родилась из общего уклада городов и городишек Сибири. Типичность жизни провинциального города, отмеченная Достоевским,

перекликается с наблюдениями других писателей XIX-го века, бывавших в Сибири, - Л.П. Блюммера, Н.И. Наумова, социолога-публициста Берви-Флеровского, а также с воспоминаниями А.Е. Врангеля.

Сибирские города, бывшие когда-то форпостами освоения далеких земель, остались островками сравнительно цивилизованной жизни среди лесов и степей. Некоторые стали жить добычей золота, другие торговлей, третьи взяли на себя функции административных центров.

Условия жизни провинциального города Сибири создавали ситуацию несоответствия содержания жизни человека и потенциальных возможностей. Это стало одной из центральных тем "Дядюшкиного сна". Пустая, безнравственная жизнь обывателя сибирского города, его обыденная суета, состоящая из сплетен и интриг, не давала выхода душевным порывам, существующим у любого человека. На таком фоне и возник мордасовский "высший свет", главные качества которого характеризует Мария Александровна: "Она умеет убить, растерзать... а между тем покажет вид, что и не заметила, как выговорила это слово. А известно, что такая черта есть уже принадлежность самого высшего общества".

Неизвестно, какими человеческими качествами обладала бы Москалева, этот "Наполеон" в юбке, в иных жизненных условиях, ведь она имеет несомненные таланты, да и натура у нее поэтическая. Но в условиях захолустья душевные порывы уходят на решение корыстных интересов, элементарного подглядывания за жизнью других в расчете приобрести власть над ними.

При знакомстве с мордасовцами обращает на себя внимание, что среди его представителей нет резкого различия в материальном достатке, нет и зависимости героев друг от друга по службе. Даже то, что супруг Марии Александровны "лишился места за неспособностью и слабоумием", не сыграло большой роли в ее судьбе. В провинции все строится на личных качествах, умении преподнести себя обществу и влиять на него. Поэтому Москалева "нисколько не лишилась своего влияния на общество".

Одинаковый уровень жизни сибиряков отмечается и в работах Берви-Флеровского. Большинство домов что в Кузнецке, что в деревне имели одинаковую архитектуру. Даже городничий жил в доме, очень похожем на крестьянский. В зажиточных и мещанских домах стояла мебель одного грубого фасона. Что перекликается с описанием салона Москалевой, где мебель довольно неуклюжая. В старания мордасовцев соответствовать "высшему обществу" постоянно вмешиваются их обычные жизненные проблемы. Софья Петровна Фарпухина, безусловно, причисляющая себя к "мордасовскому бомонду" и представившая доказательство

того: "...не беспокойтесь, я сама полковница!.. Я и почище вас людей видела", вдруг выкрикивает в пылу спора с Москалевой: "...если вы, Фелисата Михайловна, не велите... вовремя вашу корову загонять, чтоб она не мычала у меня каждый день под окошками, так я вашей Матрешке ноги переломаю".

В записных тетрадях Достоевского есть такие слова: "Я не описываю города, обстановки, быта людей... Я считаю себя хроникером одного частного любопытного события, происшедшего у нас вдруг". Летописец Мордасова, представляющий авторский голос в произведении, тоже не дает нам специальное описание быта Мордасова. Оно подчинено другим, высшим задачам - психологическим. И даже мелкие детали быта даны в произведении для того, чтобы раскрыть психологию провинциала, ярче подчеркнуть те или иные его черты. Например, при описании обстановки салона летописец говорит иронически, с улыбкой - скудность и убогость ее не соответствуют страстям, бушующим на этом пространстве. Прибавим, что салон Марии Александровны самым жалким образом соприкасается с темной комнатой "вроде чуланчика, где стоят сундуки, развешана кой-какая одежда и сохраняется в узлах черное белье всего дома". Не образ ли это жизни провинциала? Далее о мебели Москалевой говорится, что в ней "преобладает красный цвет". Известно, что в середине XIX-го века в столицах модной была мебель красного дерева, настолько, что люди победнее красили свою мебель в красный цвет. Этой деталью писатель подчеркивает необыкновенную амбициозность Москалевой.

В остальном обстановка салона, исключая камин, типична для зажиточных домов в Сибири.

Как же создавался подобный уклад жизни? Обратимся к Кузнецку, пример которого нам наиболее близок.

"О занятиях жителей можно сказать, что они занимаются кое-чем, лишь бы прожить кое-как", - пишет Берви-Флеровский в своей работе "Зауральский рабочий". По его наблюдениям, жизнь и быт кузнецкого общества мало отличались от сельского. Населен был Кузнецк, а равно и другие города, в основном чиновниками, мещанами, военными и крестьянами. Интеллигенция, представлявшая в городе образованное сословие, ничем не выделялась среди мещан города.

Во второй половине XIX века и до Кузнецка дошли перемены. Выразились они в появлении в городе приезжей интеллигенции и чиновников, привнесших в провинциальную жизнь невиданную здесь роскошь. Развитию ее способствовали и ссыльные поляки, которые привезли в город неизвестные ранее ремесла. Знамением нового времени, как пишет Берви-Флеровский, стали чванство, азиатская пышность, важный счет визитам.

Можно сказать, что автобиографический опыт,

приобретенный Достоевским в Сибири, в повествование входит косвенно, через аналитически-исследовательское слово летописца. В его рассказ писатель вплетает и биографическое, непосредственнее всего оно вошло в образ Васи. Безусловно, здесь преломились отношения Федора Михайловича, Марии Дмитриевны и Вергунова.

Повесть "Дядюшкин сон", по признанию самого Достоевского, создана по необходимости, с утилитарной целью, но даже здесь проявилась гениальность писателя в его способности увидеть примелькавшееся, вошедшее в привычку и поэтому почти невидимое, во всей его значимости, всеобщности фактов материального и духовного бытия.